

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81

Культуроведческий подход в изучении устаревшей лексики русского языка на фольклорном материале устного: обоснование

Дмитрий Андреевич Поречный

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, d.porechnyy2805@stud.rsu-rzn.ru

Наталья Сергеевна Редькина

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, n.redkina@rsu-rzn.ru

Аннотация. В настоящей статье – в её общем дискурсивном значении – актуализируется проблема применения культуроведческого подхода к вопросам и задачам филологической науки.

В её частности, т.е. в предметном содержании статьи, обосновывается необходимость использования этого подхода при изучении устаревшей лексики, - слов пассивного лексического запаса русского языка, - на данных фольклорных текстов: объясняется как закономерная причинность этой методологической необходимости, так и не менее закономерные обстоятельства избрания фольклора в качестве основного материала и доказательного образца предпринятого исследования, а также раскрывается проблематика такой междисциплинарной методологии в указанных пределах её употребления.

Ключевые слова: русский язык, фольклор, устаревшая лексика, культурологический подход, культуроведческий подход

Для цитирования: Поречный Д.А., Редькина Н.С. Культуроведческий подход в изучении устаревшей лексики русского языка на фольклорном материале устного: обоснование // Русская филология и национальная культура. 2025. №1(14). С. 34-47. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st5-2025.pdf>

Original article

УДК 81

Cultural approach in the study of outdated vocabulary of the russian language based on folklore material of oral: justification

D.A. Porechny

Ryazan State University named after S.A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation, d.porechnyy2805@stud.rsu-rzn.ru

N.S. Redkina

Ryazan State University named after S.A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation, n.redkina@rsu-rzn.ru

Abstract. In this article, in its general discursive meaning, the problem of applying a cultural approach to the issues and tasks of philological science is actualized.

In particular, in the subject content of the article, the necessity of using this approach in the study of outdated vocabulary, i.e., the passive vocabulary of the Russian language, is justified based on the data of folklore texts: the natural causality of this methodological necessity is explained, as well as the equally natural circumstances of folklore's choice as the main material and evidence-based model of the research undertaken., and also reveals the problems of such an interdisciplinary methodology in the decree the limits of its use.

Key words: Russian language, folklore, outdated vocabulary, cultural approach, cultural approach

Введение. Одним из значимых направлений современного языкового образования на всех ступенях является реализация культуроведческого подхода.

Основная часть. «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина <...> Когда исчезает народный язык – народа нет более!» [1, с. 541], – исчерпывающе писал русский педагог, один из основоположников научной педагогики в России К.Д. Ушинский.

Образующим «ключом» культурного процесса, и следовательно, культуры как таковой, воплощаемой в каждом конкретном историческом моменте этого процесса и во всем совокупном множестве их; понимаемой насколько возможно широко в смысле последовательной преобразующей работы или деятельности общества как вовне себя, так и внутри, охватывающей как материальный, так и духовный аспекты этой работы, наконец, общечеловеческий и

национальный её модусы, конечно, является язык: «1) язык общенародной культуры; 2) язык общения культурных людей; 3)... язык, имеющий твердые нормы, о сохранности которых заботиться все общество» [18, с. 10], т.е. язык литературный, системный, обеспеченный нормой и традицией.

Вне его исторически подвижной, динамической способности к творению, аккумуляции и передачи смыслов и идей, значений объективно-вещественной и идеальной реальностей в соответствующих (языковых) закономерных, системно обеспеченных формах их выражения и представления, собственно передачи, короче говоря, вне его познавательного и коммуникативного свойств невозможны никакое развитие культуры и никакая культура вообще, являющаяся всегда продуктом разворачивающейся в истории человеческой деятельности.

Именно об этом писал советский языковед М.В. Панов: «Литературный язык – это язык культуры; это язык культурных людей <...> один и тот же язык, обогащает культуру; она строится с помощью живого, динамичного средства общения, способного к передаче самых новых, только что возникших смыслов, и передает самую их динамику, помогает им возникать и формироваться» [18, с. 5].

Системный язык, обеспечивая фундаментальное соединение всех сторон и сфер общественной жизни, вместе с тем и образует своим средством саму эту жизнь во всех её сторонах и сферах, в её собственной системе как на уровне индивидуальной рефлексии и самопознания, так и на более общем уровне коллективной рефлексии, с одной стороны, национально-культурной, обеспечивающей традицию и самосознание в этой традиции нации, с другой стороны – общечеловеческой, интегрирующей единичного индивида в социум, создающей единое, наследуемое в воспитании культурное поле человечества и его деятельности.

Не один лингвист утверждал, что что материальная и духовная культуры воплощаются в языке [7, 10, 14]. Язык, выражаясь в культуре, выступает одновременно и инструментом её строительства, культурной субстанцией – «стихией» культуры, тем, чем последняя «дышит», фактическим выражением чего является. В этом отношении справедливо вспомнить умозаключение М.Ю. Лотмана, отмечавшего, что «культура – исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), который может складываться в единую иерархию (сверхязык), но может представлять собой и симбиоз самостоятельных систем» [15, с. 397].

Очевидной образующая как культуру вообще, так и её частные проявления роль языка обнаруживается в исторической перспективе, там, где со всей ясностью и конкретностью проступают уже сложившиеся факты языковой деятельности и эволюции, в отличие от актуального её этапа, только происходящего. Эта позиция подкрепляется тем, по мнению исследователя, что сравне-

ние понятий языка и кода, рассматривается, как правило, вне исторической координаты: «“Язык” же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [13, с. 13]. Или, по мнению М.М. Бахтина, язык обладает и определяется своим хронотопом – существенной взаимосвязью «временных и пространственных отношений» [3]. Применительно к русской лексике эту же мысль отразил П.А. Лекант: «Система русской лексики складывалась как закономерная, хронотопическая (последовательная по времени и лингвогеографическому расположению) совокупность эпидигматических и парадигматических групп» [12, с. 40].

Итак, язык есть средство культуры и одновременно «стихия» культурного процесса. Язык аккумулирует в себе и определяет через себя значения политического, социального, эстетического, научного и иных порядков с исторической перспективой, включая и эволюцию форм. «Язык как лингвокультурологический феномен впитывает в себя все богатство культуры, с одной стороны, а любая национальная культура непосредственно раскрывается в специфике функционирования конкретного языка, с другой стороны» [2, с. 157], – пишет по этому поводу Н.И. Андрейчик. Словом, системный язык как социальный феномен воплощается в культуре, а культура, составляя само пространство и способ бытования социума, оказывает влияние на системный языковой процесс, выражается в языке же.

Особенно показательной такая роль языка в контексте генезиса культуры становится в лексико-семантическом разрезе языковой системы – там, где «куются» смыслы и самые способы «ковки» этих смыслов, обуславливающие и одновременно отражающие происходящий культурный процесс; где сталкиваются значения и формы их языкового выражения, порождаются новые значения и формы, преодолеваются и замещаются либо видоизменяются старые, оказывая всеми этими процессами непосредственное влияние на сознание, способ мышления и мировосприятия людей, следовательно, на саму их культурную работу, и вместе с тем одновременно регистрируя эти происходящие перемены. «Все социальные (экономические, политические, производственные, общественные, индивидуальные и др.) изменения реализуются лексикой языка» [13, с. 48], – пишет по этому поводу П.А. Лекант.

Таким образом, если язык выступает корнем культурного процесса, тогда и слово языка, – в смысле универсальной языковой единицы, т.е. «слово» вообще – есть не только собственно единица языка, но и единица культуры, выражающая собой, своими значениями и формами их представления в историческом развитии не только чисто языковые закономерности, но в них и через них фактические закономерности культуры.

Показательное перекрестие, обнаруживающее ключевую роль языка в культуре и культуру как выражения языкового процесса, находится в про-

странстве устаревшей лексики. Сделаем уточнение: взаимосвязь языка и культуры – это движение в одну сторону, при котором первый отражается в последней [2, с. 157]. Этого обстоятельства достаточно, чтобы определять используемое здесь выражение «перекрестие» только условной фигурой речи, а не буквальным умозаключением, указывающим на параллельность или раздельность языковых и культурных процессов.

Само понятие устаревшей лексики подразумевает в своем содержании многомерность значения, отражающее понимание слова как единицы, переживающей влияние не только чисто языковых факторов, но и факторов, им внеположенных: историзм, к примеру, сигнализирует об отражении языковой системой историко-культурного процесса, выражающегося в утрате предмета называния или о выходе из употребления значения многозначных слов, называющих исчезнувшие предметы. Как отмечает П.А. Лекант, «в историзмах отражаются общественный строй, производственная деятельность, быт, нравы, мода и т.п. того или иного периода» [12, с. 52], т.е. общекультурные показатели исторической эпохи. Отметим и архаизмы, регистрирующие динамически переживаемые языком собственные способы выражения развивающейся исторической действительности. Так, например, существуют лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от современного слова суффиксами и/или приставками»: *сказ* и *рассказ*, *позабывать* и *забывать*, *воитель* и *воин* и т.д.

Со стороны языка точкой условного показательного перекрестия, явно и напрямую демонстрирующей взаимозависимость его и культуры, является, таким образом, устаревшая лексика (историзмы и архаизмы), понимаемая как общий языковой феномен. Со стороны же культуры «вообще» как о такой символической «точке» можно сказать только о фольклоре, вбирающем в себя наибольшее число к тому располагающих признаков и обстоятельств. И подтверждение этого тезиса можно найти как со стороны языка и его логики, так и со стороны собственно культуры.

Говоря о языке, В.А. Богородицкий сформулировал тезис о том, что «письменный литературный язык следует изучать в связи с живую разговорную речь, т.к. эта последняя служит настоящим источником письменного литературного языка... что именно разговорная речь является истинным объектом науки о языке» [4, с. 1-2].

Итак, язык – прежде всего «произносимое слово», относительно которого слово написанное – явление вторичное. Все то, что было высказано выше относительно языка и культуры, в первую очередь потому относится к «произносимому», устному языку, и лишь затем только – через него – к языку письменному. Это означает, что фундаментальная взаимозависимость языка и культуры со всей очевидностью обнаруживается прежде всего в устных формах языкового творчества. Фольклор этому требованию соответствует всецело.

Показательной в этом смысле представляется аналогичное столкновение модусов поэтического творчества (по тому же критерию – письменности и устности) в труде В. Проппа «Фольклор и действительность»: «Давно известно, что литература распространяется письменным путем, фольклор – устным. Эта разница до сих пор считается разницей чисто технического порядка. Между тем разница эта затрагивает самую суть дела» [17, с. 15].

Другая характеристика фольклора, напрямую происходящая из предшествующей, отражает и иной фундаментальный признак языка, иными словами, язык есть явление социальное, создание коллективного народного творчества [8, с. 216], как говорил Г.О. Винокур, не принадлежащее одному человеку или ограниченной группе лиц. Это же образующую сущность фольклора обстоятельство основательно раскрыл уже упомянутый выше В. Пропп на примере все того же столкновения литературы и собственно фольклора, говоря, что «литературное произведение, раз возникнув, уже не меняется», а «фольклорное произведение живет в постоянном движении и изменении» [17, с. 15-17].

Итак, со стороны языка фольклор обнаруживает атрибутивное – на уровне характеристических признаков и качеств, – родство его и собственно языка, языковой проблематики. В некотором смысле он суть эквивалент самого языка в плоскости культуры. В этом ключе слова В. Проппа о том, что «фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который так же никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов» [17, с. 14], обретают особенный вес.

Фольклор, возникающий, согласно его над-индивидуальной природе, вместе с самим человеческим социумом, хранит и передает, как и язык, память народа в качестве не только культурно-традиционных значений и смыслов, но и традиционных же форм такой передачи. Проще говоря, имея своё происхождение в той же условной точке, откуда происходит язык и за ним культура и общество, фольклор повторяет и отражает в своем историческом развитии осуществление культурного и языкового процессов в их собственных взаимосвязанных исторических протяженностях. Отсюда неизбежно и заключение того, что, поскольку и язык, и культура развиваются из традиции и в традиции же ввиду их системной (закономерной) природы остаются, то, говоря о фольклоре имеют ввиду прежде всего традиционные исторические его формы, в которых он первоначально и выражает себя. И потому, в свете сегодняшнего дня принимаясь судить о формах устного народного творчества, о фольклоре, понимаемом в этом смысле, часто подразумевают такие формы культурной словесной деятельности, которые в большинстве своём выражаются средствами устаревшей лексики. Это обстоятельство объясняется, в частности, тем, что многие фольклорные формы, например, сказка, имеют воспитательное значение, иные из них, например, легенды, и создаются из нравоучительных соображений, как об этом говорит В. Пропп [16, с. 33-49], требующих сохранность значительных

традиционных норм и, соответственно, сохранность форм их выражения.

Короче говоря, для традиционного фольклора, являющимся основой для новых фольклорных образований в рамках принципа непрерывности, в большинстве его форм и проявлений свойственна устаревшая лексика. И свойственна она ему не «технически», а по существу его, выступающего, как и язык, памятью народа. В нашем случае – это необходимая связка с размышлениями на предмет этой лексики, которая, повторимся, наиболее выразительно демонстрирует взаимозависимость культурных и языковых процессов. И если такая характеристика фольклора верна, тогда он вкуче со всем, что было описано выше «со стороны языка», является наиболее показательным и доказательным образцом, раскрывающим соотношенность языка и культуры.

Со стороны культуры фольклор, подобно языку: фольклор, как и язык, многомерен. Демонстрирует это обстоятельство хотя бы жанровая классификация фольклорных форм, где каждый жанр обслуживает тот или иной социокультурный комплекс. Так, к примеру, отграничивая сказку от смежных фольклорных жанров, Пропп перечисляет следующие жанровые образования: миф; быль, быличка, бывальщина; легенда; сказание и предание; сказы; анекдот. Представляя собой стадильно ранее фольклорное образование, миф выражает в себе сакральное, религиозное значение, ибо мифы «связаны с культами». Были и былички отражают как бытовые представления народа о действительности, так более тонкие явления народного мышления, выражающие в символических формах быличек сложные категории социально-политического, религиозного и морально-нравственного порядков. Легенды, близкие своим содержанием к духовному стиху, концентрируются вокруг нравоучительных задач средствами религиозных нарративов, и часто не официальных, а происходящих из интерпретации народным мышлением, воспитанными определенными историческими условиями. Сказания и предания – это «рассказы, относящиеся к историческим местам или историческим личностям и событиям». По своему определению они, очевидно, способны выражать целый комплекс исторических явлений быта, мировоззрения, политического устройства, социальной системы и т.д., и т.п. В этом же месте обнаруживаются и сказы как «рассказы о виденном, слышанном и пережитом, о героике наших дней, о старой и новой жизни», выражающие не только фактологическое народное восприятие, не «хроникально» точное бытописание, но часто такое, которое выражается в творческой выдумке (как, например, «полуфантастические или совсем фантастические рассказы горняков о встречах с горными духами, в реальность которых когда-то верили»). С той же выдумкой и часто с тем же значением, но со своеобразной формой их представления, можно определить и анекдот, сущность которого сводится «к неожиданному остроумному концу краткого повествования» [16, с. 33-56].

Итак, как со стороны языка, так и со стороны культуры фольклор суть

показательное перекрестие взаимодействия и взаимозависимости культурных и языковых процессов. Он сближается с языком на онтологическом уровне. Фольклор вмещает в себя – и во многом осуществляется преимущественно за счет неё – устаревшую лексику, которая, как уже было сказано, выражает слово как феномен языкового, так и культурного порядков. Многомерность фольклора сообщает (не в смысле порождающего начала, а в смысле исследовательской призмы, т.е. только фольклорный материал может предложить осмысление такого присущего ей качества) устаревшей лексике, средствами которой он во многом реализуется, общекультурную многомерность, соответствующую лексике вообще, ибо она обслуживает весь социокультурный комплекс человеческого коллектива, воплощается во обществе во всех его частях.

Таким образом, искомым предельно выразительным образцом, демонстрирующим многомерное взаимодействие языка и культуры, является фольклор. Именно по этой причине он закономерно избирается нами как материал, на котором должна разрабатываться проблематика применения культуроведческого подхода при изучении устаревшей лексики.

Теперь, раскрыв все или большую часть необходимых предпосылок к размышлению на тему настоящей статьи, необходимо разобраться с самим культуроведческим подходом, составляющим ключевую часть нашей основной задачи.

Проблематика употребления культуроведческого или культурологического подхода, подразумевающего рассмотрение того или иного феномена в контексте культуры как системы взаимосвязанных компонентов, охватывающих, в конце концов, все стороны жизни общества в его исторической протяженности, заключается в необходимой широте диапазона (самой необходимости считать в том или ином явлении культуры все многообразие выраженных в нем влияний), в обилии всевозможных акцентов исследования, концепций, точек зрения и объектов осмысления. «Культурологический подход по-прежнему может и должен применяться в педагогических исследованиях, его продуктивность основана на существующем многообразии трактовок культуры, что позволяет получать новые результаты в рамках отдельных концепций. <...> Ограничения использования данного подхода связаны со сложностью для начинающих исследователей определиться в выборе той или иной концепции культуры, что влияет на весь ракурс исследования» [20, с. 147].

Культурологический подход свойственен всей современной системе образования, его реализация призвана формировать личность, живущую в культуре, содержанием, методами и средствами всех учебных предметов и внеучебной деятельностью [11, с. 154]. В методике преподавания русского языка этот подход осмысливается как культуроведческий.

Есть суммировать все вышесказанное относительно языка, фольклора и культуры, то выходит следующее. Культура объемлет само человеческое об-

щество; в культуре оно творится и культуру же творит. Язык выступает «стихией» культурного процесса, обеспечивающим его и от него «питающимся». Фольклор, подобно языку и культуре, всеобъемлющ: будучи словесным народным творчеством, через язык он выражает, как писал Буслаев, саму жизнь народа и одновременно ей же и выступает. Он, как и язык, аккумулирует и выражает культурный процесс, во многом предшествует ему и предопределяет его, возникая в той же точке, где рождается язык и общество, культура [6].

Итак, язык, фольклор и культура фундаментально взаимосвязаны. Если язык выражает себя в культуре и в ней развивается, переживая культурные влияния, тогда для того, чтобы во всей полноте осмыслить его собственную природу, следовательно, и отдельные его проявления, необходимо также и употребление культурологического подхода, учитывающего этот аспект языковой онтологии, а именно представление о языке как одновременно о явлении языкового и культурного порядков. Если сущность языка как своеобразной «стихии» культуры наиболее очевидна в его историческом развитии, и, предметно, в области устаревшей лексики, как было отмечено выше, тогда именно в этой области, точнее сказать, в применении к ней эффективно употребим культурологический подход. Если фольклор наиболее явно выражает и язык, и культуру, образующую роль последнего в первом, если он сам «соткан» из этих выражений, в частности, средствами устаревшей лексики, тогда культурологический, или культуроведческий, подход жизненно необходим именно здесь.

Таким образом, – и мы положительно отвечаем на поставленный в настоящей статье вопрос, – культуроведческий подход действительно необходим в изучении устаревшей лексики на материале устного народного творчества (фольклора).

Культурологическое осмысление феномена устаревшей лексики в его конкретных проявлениях на материале фольклорных текстов вскрывает всю сложность многомерного культурного процесса, выраженного в языке. Это не только значения чисто языкового грамматического порядка в диахроническом смысле, но и значения, относящиеся к «внешней лингвистике», как её описывал Ф. де Соссюр: «Сюда, прежде всего, относится все то, в чем лингвистика соприкасается с этнологией, все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы или цивилизации. Обе эти истории сложно переплетены и взаимосвязаны, это несколько напоминает те соответствия, которые были констатированы нами внутри собственно языка» [19, с. 43].

В качестве иллюстрации применения культурологического метода при изучении устаревшей лексики на материале устного народного творчества можно привести некоторые фольклористские изыскания, реализуемые ввиду многомерности фольклора, как и в случае с исследованием культурой, междис-

циплинарно: начиная от применения чисто лингвистических методов анализа и заканчивая общекультурными оценками. Так, в качестве предпосылки опираясь на литературоведческий тезис того, что эпические великаны часто трактуются в фольклорной традиции потоками гор, анализируя семантику морфемной структуры словоизменительной группы эпических «отечественных прозвищ» Горынич, Горынчище, Горынинка, применяя компаративистский лингвистический подход в рамках диахронической лингвистики (с учетом исторического контекста материала), на уровне языка Буслаев обнаруживает следующие культурные связи этой предметно выраженной устаревшей лексики: «Некоторые мифические существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходят от гор. Это явствует из отечественного прозвища Горынич, Горынчище, Горынинка, то есть рожденный или рожденная от горы, или Горыничи. Так, мифический змий русского эпоса прозывается Змий Горынич; исполинская чародейка – Баба-Горынянка. Арийский прототип наших Горыничей сохранился в мифических героях Баргавасах, детях Бргу, одного из первобытных людей, созданных Брамою (праджапатис). А бргу, собственно, значит гора, и от него отечественная форма баргавас – горынич. Следуя древнеарийским преданиям, северная мифология признает Тора, соответствующего нашему Перуну, сыном Горы, то есть Горыничем, потому что матерью его была Фиоргини (гора); также и Фрея была Горынянка, от отца – Фиоргинн (гора). Вообще северные великаны гор носят названия, происшедшие от слова «берг» (санскритское «бргу»), то есть гора) – то есть они или самые горы, или горыничи. Так как мифы о титанических существах состоят в теснейшей связи с космогоническим учением о происхождении мира, стихий, растений, металлов и так как названия предметов в языке часто соответствуют воззрениям, воспитанным мифологией и бытом народа, то, говоря о горыничах, нельзя не упомянуть о санскритском названии железа гиридока, что слово в слово значит: «рожденный от горы». Действительно, космогонический эпос внес в свои эпизоды, как один из существенных моментов, миф о происхождении металлов вообще, и в особенности железа» [6, с. 44-45].

Так, в пределах нескольких абзацев Буслаев, оперируя фактически культурологической методологией, осуществляет чисто фольклористское исследование, удовлетворяющее между тем и языковым задачам – в нашем случае проясняется комплексное (языковое, культурно-бытовое, сравнительно-культурное, сравнительно-языковое, историческое, художественно-символическое и т.д.) содержание устаревшей лексики, представленной группой слов Горынич, Горынчище и Горынинка.

Заключение. Оправданное и закономерное, как мы это старались показать выше, применение культурологического подхода при изучении устаревшей лексики на материале устного народного творчества представляет собой, во-первых, наиболее адекватную сущности этого языкового феномена методологию, следовательно и во-вторых, обеспечивает наиболее детальное и глубоко-

кое его изучение в контексте языковых и культурных влияний, его составляющих, выражением чего он является. Культурологический подход способен раскрыть весь объем значений этих влияний, прояснить их источник и логику, внутреннее устройство получающихся от них и несущих их в своем содержании языковых феноменов, наконец, положение как самих влияний, так и феноменов в рамках систем языка и культуры в их взаимозависимости и истории.

Этот подход, проясняющий тончайших механизм взаимодействия языка и культуры, многомерность языковых явлений, может стать незаменимым подспорьем не только в изучении устаревшей лексики, но и в её преподавании, раскрывая во всей полноте культурную роль языка, опредмечивая эту роль, делая конкретной и весомой, что особенно важно для учащихся. Результаты этого подхода, применяемого в языковой среде, ввиду его междисциплинарности могут быть употреблены и в иных областях гуманитарного знания, обслуживая, тем самым, задачи синтетического, комплексного осмысления окружающей человека исторически обусловленной социально-культурной действительности – его собственного «человеческого». В частности, – и что сегодня приобретает все большую значимость, – такой подход обеспечивает понимание непрерывности во всей системной сложности основ, образующих народы и их национальное самосознание, что в свою очередь, вместе с расширением возможностей гуманитарного исследовательского процесса, предлагает конкретный инструмент воспитания патриотизма, выраженного в осознании собственной причастности (таким образом ясной в её конкретности и как бы вещественности) к некоторой национально-культурной общности, гордости за эту причастность и работу для её сохранения.

Список источников

1. «Родное слово» (1861) // Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 тт. Т.2. Педагогические статьи 1857-1861 гг. / К.Д. Ушинский. – М.: Академия пед. Наук РСФСР, 1948. С. 554-574.
2. Андрейчик, Н.И. К вопросу соотношения языка и культуры / Н.И. Андрейчик // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е: Педагогические науки. 2013. № 7. С. 156-159.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: – М.: Художественная литература. 1975. С. 234-407.
4. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений) / В.А. Богородицкий. Изд. 7-е. – М.: Едиториал УРСС, 2011. 576 с.
5. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Этимология / Ф.И. Буслаев. – Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2022. 288 с.
6. Буслаев, Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. / Ф.И. Буслаев. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. 255 с.
7. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5-36.

8. Винокур, Г.О. О задачах истории языка / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: АН СССР, 1959. 492 с.
9. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. 396 с.
10. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
11. Левушкина, О.Н. О культурологических, культуроведческих и лингвокультурологических понятиях в методике обучения русскому языку / О.Н. Левушкина // Преподаватель XXI век. 2012. №3. С. 152-160.
12. Лекант, П.А. Современный русский язык: учебник для вузов / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков; под редакцией П.А. Леканта. 5 изд. – М.: Юрайт, 2023. 493 с.
13. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Прогресс; Гнозис, 1992. 272 с.
14. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 2001. 703 с.
15. Лотман, Ю.М. Статьи по типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Тарту: Изд-во Тартского университета, 1970. С. 6-65.
16. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Москва: АСТ, 2022. 480 с.
17. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи / В.Я. Пропп. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. 448 с.
18. Современный русский язык: Учеб. Для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
19. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики: Изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера / Пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. и с примеч. Р.О. Шор. Изд. стереотип. – М.: Ленанд, 2023. 256 с.
20. Чуркина, Н.И. Культурологический подход: возможности и ограничения в педагогике / Н.И. Чуркина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (23). С. 145-147.

References

1. «Rodnoe slovo» (1861) // Ushinskii K.D. Sobranie sochinenii v 11 tt. – T.2. Pedagogicheskie stat'i 1857-1861 gg. / K.D. Ushinskii. – М.: Akademiya ped. Nauk RSFSR, 1948. S. 554-574. (In Russ.).
2. Andreichik, N.I. K voprosu sootnosheniya yazyka i kul'tury / N.I. Andreichik // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. E: Pedagogicheskie nauki. 2013. № 7. S. 156-159. (In Russ.).
3. Bakhtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poehtike / M.M. Bakhtin // Voprosy literatury i ehstetiki: – М.: Khudozhestvennaya literatura. 1975. S. 234-407. (In Russ.).
4. Bogoroditskii, V.A. Obshchii kurs russkoi grammatiki: (Iz universitetskikh chtenii) / V.A. Bogoroditskii. Izd. 7-e. – М.: Editorial URSS, 2011. 576 s. (In Russ.).
5. Buslaev, F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Ehtimologiya / F.I. Buslaev. – Izd. stereotip. – М.: LENAND, 2022. – 288 с. (In Russ.).
6. Buslaev, F.I. Russkii bogatyrskii ehpos. Russkii narodnyi ehpos. / F.I. Buslaev. – Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1987. 255 s. (In Russ.).
7. Vinogradov, V.V. Slovo i znachenie kak predmet istoriko-leksikologicheskogo issledovaniya / V.V. Vinogradov // Voprosy yazykoznaniiya. 1995. № 1. S. 5-36. (In Russ.).

8. Vinokur, G.O. O zadachakh istorii yazyka / G.O. Vinokur // Izbrannye raboty po russkomu yazyku. – M.: AN SSSR, 1959. 492 s. (In Russ.).
9. Gumbol'dt, V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu / V. fon Gumbol'dt. 2-e izd. – M.: Progress, 2000. 396 s. (In Russ.).
10. Karasik, V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V.I. Karasik. – M.: GNOZIS, 2004. 389 s. (In Russ.).
11. Levushkina, O.N. O kul'turologicheskikh, kul'turovedcheskikh i lingvokul'turologicheskikh ponyatiyakh v metodike obucheniya russkomu yazyku / O.N. Levushkina // Prepodavatel' XXI vek. 2012. №3. S. 152-160. (In Russ.).
12. Lekant, P.A. Sovremenniy russkii yazyk: uchebnik dlya vuzov / P.A. Lekant, E.I. Dibrova, L.L. Kasatkin, E.V. Klobukov; pod redaktsiei P.A. Lekanta. 5-u izd. – M.: Yurait, 2023. 493 s. (In Russ.).
13. Lotman, YU.M. Kul'tura i vzryv / YU.M. Lotman. – M.: Progress; Gnozis, 1992 c. 272 s. (In Russ.).
14. Lotman, YU.M. Semiosfera / YU.M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo-SPb., 2001. 703 s. (In Russ.).
15. Lotman, YU.M. Stat'i po tipologii kul'tury / YU.M. Lotman. – Tartu: Izd-vo Tartsskogo universiteta, 1970. S. 6-65. (In Russ.).
16. Propp, V.YA. Russkaya skazka / V.YA. Propp. – Moskva: AST, 2022. 480 c. (In Russ.).
17. Propp, V.YA. Fol'klor i deistvitel'nost': izbrannye stat'i / V.YA. Propp. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2024. 448 c. (In Russ.).
18. Sovremenniy russkii yazyk: Ucheb. Dlya filol. spets. un-tov / V.A. Beloshapkova, E.A. Zemskaya i dr.; pod red. V.A. Beloshapkovoi. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Vysshaya shkola, 1989. 800 s. (In Russ.).
19. Sosyur, F. de. Kurs obshchei lingvistiki: Izdanniy SH. Balli i A. Seshe pri uchastii A. Ridlingera / Per. s fr. A.M. Sukhotina; pod red. i s primech. R.O. Shor. Izd. stereotip. – M.: Lenand, 2023. 256 c. (In Russ.).
20. Churkina, N.I. Kul'turologicheskii podkhod: vozmozhnosti i ogranicheniya v pedagogike / N.I. Churkina // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 2 (23). S. 145-147. (In Russ.).

Информация об авторах

Поречный Дмитрий Андреевич, магистрант кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С.А. Есенина

e-mail: d.porechnyy2805@stud.rsu-rzn.ru

Редькина Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ имени С.А. Есенина

e-mail: n.redkina@rsu-rzn.ru

Information about the author

Porechny Dmitry Andreevich, Master's student at the Department of Russian Language and Teaching Methods at the S.A. Yesenin Russian State University
e-mail: d.porechnyy2805@stud.rsu-rzn.ru

Redkina Natalia Sergeevna, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods at the S.A. Yesenin Russian State University
e-mail: n.redkina@rsu-rzn.ru

Дата поступления статьи: 23.01.2025